

ГЛОБАЛЬНАЯ РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ «НОВОЙ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ: УСПЕХ И ПОРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВ ТОНИ БЛЭРА (1997–2007 гг.)

Статья посвящена политико-историческому анализу актуального и противоречивого опыта британского участия в процессах европейской интеграции при Тони Блэре. По мнению автора, как успехи, так и поражения на стратегическом европейском направлении в данный период сегодня одновременно подтверждают и оспаривают тезис о глобальной роли Великобритании в действующей системе международных отношений.

Ключевые слова: «Новая» Великобритания, Тони Блэр, глобализация, Европейский Союз, европейская интеграция.

A. Valoiev

THE GLOBAL ROLE OF EUROPEAN DIMENSION OF FOREIGN POLICY OF THE « NEW » GREAT BRITAIN: SUCCESS AND DEFEAT TONY BLAIR'S GOVERNMENTS (1997–2007)

A political and historical analysis of extremely topical and contradictory experience of British participation in the processes of European integration under Tony Blair. According to the author, all the victories and defeats of the Strategic European Dimension today simultaneously confirm and dispute the thesis about the United Kingdom's global role in the current international relations system.

Keywords: «New» Britain, Tony Blair, globalisation, the European Union, the European Integration.

На современном этапе мирового развития очевидно прогрессирующая *силовая* конкуренция между отдельными государствами, международными организациями, региональными политическими и экономическими блоками спокойно воспринимается нами как некая естественная данность.

Конкуренция – в том или ином контексте или формате – существовала всегда. Но только в последнее десятилетие двадцатого века она постепенно стала приобретать *глобальный* характер, наполнять старое содержание новым смыслом и шаг за шагом расширять сферы своего влияния. Новое звучание конкуренции по времени с точно-

стью до секунды совпадает с началом эпохи структурно-массовых, исторически и политически резонансных перемен в Европе и мире в целом. Падение Берлинской стены и «железного занавеса», коллапс Советского блока и завершение многолетней «холодной войны», становление и торжество «однополярной» модели системы международных отношений, возникновение новых государств, бурное развитие европейских и трансатлантических институтов – вот лишь наиболее «цитируемые» и примечательные вехи этого насыщенного и противоречивого «великого десятилетия». Эти и многие другие не менее важные события

в сущности, предопределили исторические судьбы, политический статус и *глобальные* амбиции Европейского Союза в структуре современного мира.

С начала 1990-х годов общее пространство европейской интеграции постепенно приобретает всё более чёткие институциональные очертания и трансформируется в потенциально сильный, влиятельный и *автономный трансрегиональный* блок (обладающий не только *глобальными амбициями*, но и необходимым для этого соответствующим *глобальным экономическим и политическим потенциалом*), по идее, в уникальную, не имеющую мировых аналогов по сложности наднациональную (коммунитарную) конструкцию с классическими элементами и атрибутами федеративного государства.

Двадцать лет назад, 9 ноября 1989 года, вследствие начала демонтажа Берлинской стены – главного символа и молчаливого спутника «холодной войны» – и «воссоединения» ФРГ и ГДР в Европе вновь формируется классический геополитический «треугольник», стороны которого образуют три великие европейские, мировые (и в перспективе *глобальные*) державы – Германия, Франция и Великобритания, прямая наследница и правопреемница некогда могущественной Британской империи.

Политические проблемы, связанные с изучением различных аспектов развития интеграции и трансформации Европейского Союза со временем не утратили прежние остроту и актуальность. Они, как прежде, вызывают живой интерес и отклик, пользуются традиционно высоким спросом со стороны отечественных и зарубежных исследователей и экспертов.

Сегодня Европейский Союз находится на «переломном» этапе своего развития, переживает сложнейший процесс структурно-институциональной трансформации и активно пытается адаптироваться к новым реалиям и вызовам современности. Аналогичный по форме и содержанию про-

цесс переживают и государства – участники Европейского Союза, в особенности, когда к власти приходят политические силы с новым, альтернативным, нестандартным видением и пониманием текущих внутренних и внешних проблем, в частности, целей, приоритетов и перспектив интеграции. И в данном историко-политическом контексте, с точки зрения автора, пример, опыт и итоги «модернизации» *классической* «европейской» стратегии Великобритании под знамёнами нелейбористских правительств Тони Блэра (1997–2007 гг.), в силу целого ряда объективных причин заслуживает самого пристального внимания и должного критического осмысления.

В 1972–1973 гг. Великобритания, Дания и Ирландия в официальном порядке присоединились к легендарной европейской «Шестёрке» и стали полноправными членами Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС). Долгожданное завершение сложного подготовительного этапа в истории взаимоотношений между Великобританией и ЕЭС одновременно явилось и отправной точкой *вечной* – латентной или открытой – дискуссии о том, насколько реальные, традиционно *консервативные* национальные интересы этого *особенного* островного государства соответствуют уже наметившимся магистральным направлениям развития процессов европейской интеграции. Споры о необходимости, целях и общем формате участия Великобритании в европейских делах с перерывами и с переменным успехом вспыхивают и продолжаются и по сей день как внутри страны, так и за её пределами – и не только на европейском, коммунитарном уровне.

Анализируя накопленный европейский опыт Британии до «новых» лейбористов», следует отметить, что основная заслуга в распространении идейно-институционального «евроскептицизма» объективно принадлежит правительствам Маргарэт Тэтчер (1979–1990 гг.) и Джона Мэйджора (1990–1997 гг.). На протяжении этого периода

консерваторам удалось разработать и апробировать в реальных условиях универсальную «антифедералистскую» стратегию в отношении сначала ЕЭС, а затем и ЕС (с 1992 г.), которая затем подверглась косметической редакции и превратилась в идейный фундамент для европейской политики правительств Т. Блэра.

«Железная» Маргарэт Тэтчер за одиннадцать лет пребывания у власти в теории и на практике воплотила в жизнь принцип «разумного сосуществования», предусматривавший кардинальный плановый пересмотр первоначальной системы британских приоритетов в сотрудничестве с ЕЭС. С весьма авторитетным мнением Тэтчер относительно далеко не всегда взаимовыгодного для Великобритании и ЕЭС практического сотрудничества в ряде случаев объективно нельзя не согласиться, однако следует признать и другое. По сути, в этот исторический период был утрачен первоначальный, глубинный смысл интеграции Британии в «европейское» пространство, а институциональный диалог по самым актуальным проблемам европейского строительства из жизненной необходимости превратился скорее в простую формальность. Возможно, именно тогда Великобритания и упустила свой уникальный шанс усилить политические позиции в структуре ЕЭС и в итоге оказалась в стороне от дискуссии о будущем европейской интеграции.

Некоторые важные коррективы на европейском направлении внешней политики Великобритании стали наблюдаться только с момента передачи власти от «железной» М. Тэтчер к «умеренному» Джону Мэйджору, который не только признавал очевидную важность и самоценность именно политического, институционального диалога, но и по мере своих сил и возможностей стремился к поискам взаимоприемлемого для *обеих* его сторон разумного компромисса, «золотой середины».

Проблема отсутствия политического единства, сплочения по вопросу перспектив

европейской интеграции особенно остро начинает сказываться на деятельности первого правительства Дж. Мэйджора, политика которого находилась под мощным внутренним и внешним прессингом и постоянно балансировала на грани между «ортодоксальным» «евроскептицизмом» и первыми робкими проявлениями, ростками «евроэнтузиазма», символом и венцом которых стала Маастрихтская версия *Договора о Европейском Союзе*. Как и ожидалось, подписание и национальная ратификация этого основополагающего для Европы документа вызвали крайне неоднозначную реакцию в британском обществе в целом. Этот факт, с одной стороны, свидетельствовал о *важности* европейской составляющей в общественной жизни *консервативной* Великобритании, а с другой – говорил о том, что даже частичное ослабление сильнейшего синдрома «евроскептицизма» – дело далёкого будущего. В результате, к решающим для Дж. Мэйджора всеобщим парламентским выборам 1997 года партия консерваторов подошла не в лучшей политической форме – в состоянии тяжелейшего идейного раскола, основной причиной которого стали как раз фундаментальные разногласия по стратегическим европейским вопросам.

Первоначально с триумфальной победой «новых» лейбористов и Тони Блэра на *тех исторических* выборах внутри Великобритании (и в ЕС) действительно были связаны определённые робкие политические надежды и ожидания относительно назревшей редакции «консервативного» подхода к европейской интеграции и прогресса в двусторонних отношениях.

С приходом «новых» политических сил у Великобритании появился весьма неплохой шанс, по крайней мере, «переломить» ситуацию в лучшую сторону. Удалось ли «новым» лейбористам им правильно воспользоваться? Постараемся ответить на этот вопрос с позиций современности.

Вначале амбициозный Тони Блэр и первое правительство «новых» лейбористов

(1997–2001 гг.) – на уровне теории – действительно были полны сил и решимости преодолеть «негативное» наследие прошлого и избавить «Новую» Британию от морально устаревшего «евроскептицизма». Однако та стратегия, на которую была сделана основная ставка, на практике только отвлекла их от реализации намеченных целей и увела партию в сторону от Европы – и тем самым существенно усложнила и «запутала» ситуацию на европейском направлении «новой» внешней политики Великобритании.

В общем и целом основная идея европейской стратегии «новых» лейбористов (и лично Тони Блэра) на протяжении целого десятилетия была предельно и гениально проста. Если признать, что *реальная*, сложнейшая европейская политика таит в себе мощный конфликтный потенциал, который способен негативно повлиять на личную популярность премьер-министра и устойчивость партии и Правительства внутри страны, то, следовательно, на практике её просто необходимо аккуратно и незаметно подменить внешне подходящим по смыслу «идейно-политическим симулякром».

Это означает, что на словах британский лидер всегда с особым интересом прислушивался к инициативам и рекомендациям официального Брюсселя, однако на деле никогда не спешил с их воплощением в жизнь и не упускал удобного случая, чтобы ретранслировать «европейцам» личное и общебританское видение той или иной проблемы. В результате сильного и агрессивного воздействия «личностного» фактора реальная европейская проблематика вскоре незаметно уступила место обыкновенной саморекламе, где Тони Блэр однозначно достиг беспрецедентных в новейшей истории Европы PR-высот. «Новому» и «гиперактивному» британскому лидеру поистине блестяще удалось не только привлечь к себе *особое* внимание влиятельных коллег по Европейскому Союзу, но и приобрести столь желанный и так необходимый

«*проевропейский*» политический имидж. В случае с Тони Блэром это была редкая и удачная квинтэссенция двух взаимоисключающих реалий – истинного, «классического британца» и настоящей, «искренней» заинтересованности в активном развитии не только линейных двусторонних контактов и в обсуждении широкого спектра проблем внутриевропейского сотрудничества, но и в ведущем, магистральном направлении интеграции – превращении Европейского Союза в «сверхгосударство» федеративного типа. Т. Блэр много и долго рассуждал о ключевых проблемах интеграции, фонтанировал «европейскими» идеями, без устали выдвигал громкие, амбициозные и резонансные проекты, заранее «обречённые» на колоссальный зрительский успех. Первое правительственное заявление, ориентированное на «возвращение» в Европу, подписание и ратификация Амстердамского договора, невозможное ранее присоединение к Социальной хартии Европейского Союза, знаменитая Декларация Сен-Мало, Косовский кризис, Манифест «Путь вперёд для социал-демократов Европы», споры о будущем единой европейской валюты и, наконец, равноправное участие в идейном проекте институциональной реформы в интересах расширения Европейского Союза на Восток – все эти и некоторые другие британские проевропейские реалии в некоторой степени повлияли на ход и результаты центральной дискуссии о стратегических целях и приоритетах европейского строительства на современном этапе [3; 4].

Однако основной вопрос тем не менее заключается в следующем – совпадают ли на данном этапе интересы Великобритании и Европейского Союза? И здесь вновь проявляется вечный, *неизлечимый* конфликт интересов. Если рассматривать наиболее знаковые европейские инициативы «Новой» Великобритании в означенный период в данном политическом ракурсе, то следует отметить, что все они – в той или иной степени – были вызваны отнюдь не желанием

откликнуться и одобрить предложенный в Брюсселе, в Париже и в Берлине вариант интеграции, а скорее единоличным стремлением любой ценой выделиться из «общей массы».

В действительности, в «Новой» Великобритании тогда и сейчас всерьёз опасаются даже минимальной вероятности утраты национальной идентичности. Именно *страх* перед «супергосударством» и является тем самым идейным двигателем, мощная энергия которого так выделяет и в то же время обособляет, ограничивает позиции страны в европейских структурах и дискуссии о пути развития европейских интеграционных процессов.

Имидж и реальная политика – как показывает практика – не всегда совместимые элементы. Тони Блэру блестяще удалось создать подобающий политику такого ранга проевропейский имидж и оживить стагнировавший до этого «европейский» диалог, однако не удалось наполнить его качественно «новым», истинно конструктивным содержанием.

Если первое правительство «новых» лейбористов, по крайней мере, пыталось делать вид, что Британия действительно намерена стать ближе к практическим проблемам Европейского Союза, то второе (2001–2005 гг.) уже постепенно переносит акцент с «обновления» европейской политики на иное, значительно более актуальное и перспективное направление – речь, разумеется, идёт о развитии института «особых отношений» – *всемерной* поддержке интересов США в деле борьбы с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 года. Вначале, на волне очевидной мировой патриотической солидарности с Америкой, *единственно правильная* позиция Великобритании не вызвала отторжения у европейских партнёров. Тони Блэр был *первым* мировым европейским и мировым лидером, кто предложил Президенту США Джорджу Бушу мл. помощь в «наказании» террористов из

«Аль-Каиды» и лично Усамы бен Ладена, а также радикального исламистского движения «Талибан», *удачно* и прочно обосновавшихся на территории беспокойного Афганистана (военная операция «*Свобода без границ*», с 2001 г.). Нельзя не акцентировать внимание на одном крайне важном сюжете – активное участие и даже сам факт британского военного присутствия в Афганистане до сих пор всерьёз не рассматривается многими экспертами как фактическое возвращение духа Британской империи, которая дважды – безуспешно – силой пыталась покорить Афганистан, занимающий важнейшее геостратегическое положение в Центральной Азии. С момента начала операции в Афганистане частота встреч Дж. Буша с его британским коллегой возросла многократно. Тони Блэр умело и грамотно воспользовался сложившейся конъюнктурой – на доверительных отношениях с Бушем он не только *временно* преумножил личный политический капитал, но и в итоге реанимировал прежние «особые (трансатлантические) отношения», по сути, превратил «Новую» Великобританию в союзника США № 1, идейный оплот и глашатая американского политического влияния не только в Европейском Союзе, но и на мировом уровне – в ущерб полноценному участию «Новой» Великобритании в интеграционных процессах. «Старые» европейские дела были принесены в жертву более широким и перспективным «новым» горизонтам американо-британских «особых отношений».

Афганистан, с некоторыми оговорками, положительно принёс Блэру и «Новой» Великобритании серьёзные личные и стратегические дивиденды. Очевидно, на волне «головокружения от успехов» на ниве умиротворения талибов и борьбы с неуловимой «Аль-Каидой» Буш и Блэр вскоре приняли решение продолжить совместный мессианский «крестовый поход» против международного терроризма. В качестве объекта на этот раз был определён политический ре-

жим известного и одиозного иракского лидера Саддама Хуссейна, который якобы угрожал США мифическим, так до сих пор и не обнаруженным биологическим оружием массового поражения. Следует отметить, что «крестоносцы от демократии» настолько увлеклись идеей одним ударом покончить с «багдадским мясником» и «автоматически» превратить Ирак в «демократическое пространство» и были настолько же уверены в своём праве на применение военной силы, что вдруг исподволь утратили всякое чувство политической реальности. Так, им казалось, что всё «остальное мировое сообщество» просто обязано было не только морально сопереживать США и Великобритании, но и всячески способствовать их усилиям в деле борьбы с тиранией Хуссейна в частности и с международным терроризмом в общем и целом. Именно по этой причине организаторы *акции возмездия* вначале даже не особенно пытались придать ей хотя бы видимость легитимности. Тезис о наличии оружия массового уничтожения в Ираке был для них единственной аксиомой, которая сама по себе не нуждалась ни в каких доказательствах. Надёжно и основательно утвердить эту простую истину в массовом сознании на всех уровнях была призвана не имеющая аналогов в новейшей мировой истории по накалу, масштабу и интенсивности информационно-пропагандистская кампания в режиме реального времени. Результаты общемировой кампании, впрочем, оказались «ограниченно локальными» – очень агрессивная, массивная, односторонняя и излишне навязчивая пропаганда так и не принесла соответствующего *одобрительного* эффекта. «Мировое сообщество» на этот раз отказалось поддержать *единым* фронтом эту немотивированную военную операцию, а вернее – очередную неприкрытую агрессию против суверенного, независимого государства.

Скорее всего, идейный «раскол» Европейского Союза на убеждённых сторонни-

ков и противников войны в Ираке (фактически – на Старую и Новую Европу) изначально был профессионально срежиссирован американскими и британскими политтехнологами. В таких неблагоприятных и *открытых* для общественности условиях говорить о политическом единстве европейского континента в противовес американскому доминированию, об общем целевом видении и тем более радужных перспективах европейской интеграции было политически неуместно, бессмысленно.

Второй период, таким образом, окончательно расставил всё по своим местам. Великобритания не только отвернулась и в одностороннем порядке самоустранилась от Европы, но и чётко продемонстрировала всему миру жёсткий, агрессивный, поистине *имперский* характер «новой» национальной внешней политики [5].

Однако наиболее политически важным, символическим и показательным в европейском контексте, по нашему мнению, оказался третий *неполный* законодательный период – венец и логически закономерный итог теоретической и практической деятельности Тони Блэра в качестве лидера «Новой» Лейбористской партии, премьер-министра и крайне амбициозного идеолога процесса «модернизации» политической системы Великобритании (2005–2007 гг.).

Этот период продолжил генеральную линию «новых» лейбористов на отдаление от Европы. И нельзя не отметить, что подобная политика в итоге принесла соответствующие дивиденды – а именно предопределила скорый и на удивление блёклый, бесцветный и бесславный закат некогда яркой и блестящей *национальной* политической карьеры Тони Блэра.

Вначале, «благодаря» прогрессирующей кровавой «иракской бойне», Тони Блэр, по сути, утратил право называть себя «лидером всей нации» – британцы наконец пресытились и морально устали от внешнеполитической пропаганды в прямом эфире, исходившей от «новых» лейбористов, ко-

торые с каждым днём всё более утрачивали доверие и поддержку внутри страны, среди прежних и тем более потенциальных избирателей.

Затем Блэр, опять-таки «благодаря» «особому отношению» к Ираку, оказался явным политическим изгоем среди коллег по Европейскому Союзу. Так, лидеры Франции, Германии и Италии не раз острожно и прозрачно намекали ему о том, что в вопросах европейского строительства – в крайнем случае – можно будет обойтись и без учёта «особой» – «проамериканской» и излишне конфликтной – позиции Великобритании.

Иными словами, в результате очевидно невнимания и пренебрежения к европейскому направлению Т. Блэра фактически перестали воспринимать как настоящего и самоценного политического лидера, он стал *европейским* символом всего негативного, что ассоциировалось в остальном мире с крайне неблагоприятным политическим имиджем США – «мирового жандарма» и главного «крестоносца от демократии».

В начале третьего срока, когда «провал» на европейском направлении уже был очевиден, Блэр принял решение сделать ход конём и попытаться переключить внимание британцев, европейцев и всего мира на глобальные проблемы современности. Однако этот политический шаг так и не смог переломить ситуацию в нужном направлении. Увлечение и злоупотребление Блэром глобальной проблематикой вызвали шквал критики внутри страны и явный скепсис на международном уровне и были однозначно истолкованы как отказ, нежелание и неспособность разрешить накопившиеся внутренние проблемы и наладить эффективный, взаимовыгодный диалог с Европейским Союзом. Недовольство и даже «отторжение» проводимой национальной внутренней и внешней политики в Великобритании было настолько сильным и очевидным, что Тони Блэру из опасений окончательной утраты личного и партийного имиджа уже не

осталось ничего иного, как досрочно и по доброй воле уступить бразды правления Гордону Брауну в июне 2007 года.

Суммируя основные итоги крайне противоречивой во всех отношениях десятилетней внешнеполитической деятельности правительств Тони Блэра на *идейно* важном для «Новой» Великобритании европейском направлении, обозначим наши главные, дискуссионные выводы.

1) Как нам представляется, реальные, взаимовыгодные для «Новой» Великобритании и Европейского Союза в целом успехи были достигнуты в основном исключительно на протяжении первого и лишь частично второго легислатурного периодов. Тони Блэру и его правительствам на данном этапе действительно удалось «восстановить» диалог с Европейским Союзом, придать ему «новый» жизненный импульс и динамизм, обозначить «новые» горизонты. Ситуация радикально изменилась после событий 11 сентября 2001 года, когда происходит мощный идейный и силовой «крен» внешней политики и дипломатии «Новой» Великобритании в сторону всемерного укрепления «особых отношений» и «трансатлантической солидарности».

2) Апогей полного торжества «особых отношений» над европейскими делами наступает в момент принятия решения США и Великобритании о начале военной кампании в Ираке с целью свержения режима С. Хуссейна. Именно иракская кампания станет началом конца политической карьеры для Дж. Буша и Тони Блэра, причиной идейного раскола внутри Европейского Союза и подтверждением тезиса о назревшей структурной трансформации *опасно*-однополярной системы международных отношений. Фактически, гиперактивным участием в немотивированной военной агрессии против Ирака «Новая» Великобритания полностью и надолго скомпрометировала национальные и мировые либерально-демократические ценности и сильно обесценила заявленные ранее гуманитар-

ные приоритеты общеевропейского сотрудничества – и в итоге оказалась в европейской изоляции, вне крайне узкого круга стран, которые формируют внутреннюю и внешнюю политику Европейского Союза на современном этапе.

3) При «позднем» Т. Блэре политика «новых лейбористов» на европейском фронте окончательно утрачивает изначальный смысл, вид и внутреннее содержание. Реальные стратегические интересы и приоритеты «Новой» Великобритании в процессах интеграции вновь остаются не у дел – только на этот раз акценты с резонансных «особых отношений» смещаются в сторону более модных аморфных дискуссий на глобальные темы [1; 2].

В завершение нам хотелось бы особенно выделить наш главный тезис. Европейский фактор, напомним, косвенно и напрямую внёс решающий вклад в победу «новых» лейбористов на всеобщих парламентских выборах – и это был безусловный «европейский» триумф «модернизатора» Тони Блэра. Позднее, однако, сама европейская

идея была практически и окончательно дискредитирована известными событиями. Диалог с Европой вернулся в прежнее неконструктивное русло, вновь превратился в знакомое и банальное политическое «перетягивание каната» – итог этой политической линии нам известен.

Главный тезис мы сформулируем следующим образом. У власти в Великобритании могут находиться различные по европейским убеждениям политические силы, однако при этом их стратегические интересы при любой внутренней и внешней конъюнктуре будут сходиться в одной точке – они будут или «условно "за"» или «условно "против"» европейской интеграции. Сегодня для страны невозможен только третий, «нейтральный» вариант. Иными словами, британская властная политическая элита *безальтернативно обречена* на диалог с Европейским Союзом, от реальной степени развития и эффективности которого *напрямую* зависит политическое будущее «Новой» Великобритании в постоянно меняющемся, глобальном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Active Diplomacy for a Changing World. The UK's International Priorities. Foreign & Commonwealth Office. March 2006. CM 6762. 60 p.
2. *Bulmer-Thomas V.* Blair's Foreign Policy and it's Possible Successor (s). Chatham House Briefing Pages. CH BP 06 / 01. December 2006. – 6 P.
3. Euro – Visions: new dimensions of European integration. DEMOS Collection Issue. 13 / 1998. – 199 P.
4. *Nelson, M.* Bridging the Atlantic. Domestic Politics and Euro – American Relations. Centre for European Reform. Pamphlet. December 1997. – 50 P.
5. *Tyrie, A.* Axis of Anarchy: Britain, America and The New World Order after Iraq. Foreign Policy Centre. Pamphlet. 2004. – 20 P.